

Б. РАСПУТНИС

Студент V курса исторического ф-та.

**ОБРАЗОВАНИЕ БАЛКАНСКОГО СОЮЗА 1912 г.
и ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ¹.**

Летом 1912 года впервые в истории Балканского полуострова возник союз расположенных на нём государств — Болгарии, Сербии, Греции и Черногории. Балканский союз 1912 года возник при активном содействии русской дипломатии. Это содействие являлось одним из звеньев общей политики, направленной на усиление мощи, укрепление внешнеполитического влияния России и подготовку выгодных военно-стратегических позиций в надвигающейся мировой войне. Согласно замыслам русской дипломатии балканский союз должен был сыграть роль прочного барьера против всё возрастающей германской экспансии на Восток.

Основу балканского союза составил союз между Болгарией и Сербией, нашедший своё оформление в сербо-болгарском договоре, подписанном 13 марта (29 февраля) 1912 года.² Заключению этого договора предшествовали полугодовые переговоры между болгарскими и сербскими дипломатами. Значительные территориальные разногласия между балканскими странами не раз служили серьёзным препятствием к достижению соглашения.

Усилия русских дипломатов, направленные на устранение этих разногласий и достижение обоюднo удовлетворяющих условий, увенчались успехом, и сербо-болгарский договор

¹ Глава из работы «Русская дипломатия и образование балканского союза 1912 г.»

² Текст договора см. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств, 1878—1917 г.г., серия 2, 1900—1914, т. XIX. ч. II, № 625, прил. 1, 2, стр. 265—268. (Дальше — «Международные отношения»).

от 13 марта 1912 года составил ядро балканского союза, к которому немного позже присоединились Греция и Черногория.

Новая политическая комбинация на Балканах намечала коренное изменение существующего на полуострове положения, которое десятилетиями использовалось великими державами для достижения их целей. Чрезвычайно выгодное географическое положение и огромные экономические возможности превратили Балканский полуостров в «яблоко раздора». Последняя четверть XIX и начало XX века особенно характерны ожесточённой борьбой за Балканы между империалистическими державами, из которых каждая была заинтересована в сохранении приобретённых и завоевании новых позиций на полуострове. Система военно-политических союзов, разделившая империалистическую Европу на два враждебных лагеря — Тройственное согласие и Тройственный союз — способствовала быстрейшему развязыванию мировой войны. Неизбежность столкновения обозначалась с каждым днем все яснее, и будущие противники были заинтересованы в подготовке выгодных позиций и привлечении на свою сторону возможно большего количества союзников. Балканский полуостров в этом смысле играл первостепенную роль. Поэтому такое важное событие, как образование балканского союза, не могло пройти мимо внимания европейской дипломатии, ибо оно должно было изменить состояние так называемого «общего равновесия Европы» и оказать существенное влияние на грядущие события. В свою очередь, отношение европейской дипломатии к образованию балканского союза сыграло свою роль в ходе его подготовки и в последующих событиях.

Исходя из этого, мы попытаемся кратко осветить отношение к образованию балканского союза Англии и Франции с одной стороны, Германии и Австро-Венгрии с другой, используя, главным образом, дипломатические публикации этих стран, а также некоторые другие материалы.

Позиция Англии. Английская дипломатия на Балканах вела двойственную игру, целью которой являлась основа вековой её политики — британское владычество и гегемония. Натравливать противников друг на друга, добиваться их ослабления, а потом, диктуя свои условия, приходить к своей цели, — было излюбленным приёмом Форейн оффис, особенно на Балканах.

Начиная с октября 1911 года, т. е. когда переговоры между балканскими странами вышли из стадии предварительного обмена мнений и приняли активный характер, английское правительство все время было в курсе переговоров. Его постоянным информатором в этом вопросе явился английский посланник в Софии Бакс Айронсайд, которого немецкий историк Биккель «обвиняет» в славянофильстве¹. Айронсайд был весьма близок с болгарскими и сербскими дипломатами, и они подробно информировали его о ходе переговоров. Тем более странными оказываются утверждения ряда исследователей, что Англия или ничего не знала о создаваемом союзе, или, если и знала, то относилась к нему отрицательно (Ланджер, Фей, Хельмрейч и др.²). Дело в том, что рассматривая балканский союз как авантюристическую комбинацию России в целях развязывания войны на Ближнем Востоке, эти исследователи, в большинстве своем англичане или американцы, пытаются или вовсе обойти вопрос о позиции Англии, или же показать её в самом выгодном свете. Однако они грешат против исторических фактов, свидетельствующих обратное, обходят молчанием или искажают их. С другой стороны, немецкие историки в данном вопросе ополчаются против английской политики, называя Англию виновницей образования балканского союза (Ролофф)³.

Имеющиеся документальные материалы полностью раскрывают действительное отношение английской дипломатии к образованию балканского союза под протекторатом России.

Каковы же факты? 23 октября 1911 года Бакс Айронсайд частно и строго конфиденциально сообщил заместителю статс-секретаря по иностранным делам Англии Артуру Никольсону о свидании, состоявшемся между болгарским

¹ Bickel O., *Russland und die Entstehung des Balkanbundes 1912*. Osteuropäischen Forschungen im Auftr. d. Deutsches Gesellschaft z. Studium Osteuropas. № 14. Königsberg-Berlin. 1933, S. 148.

² Langer W. *Russia, the straits question and the Origins the Balkan League 1908—1912*. The Political Science Quarterly. IX. 1928, V. 43, p. 321—363; Фей С. Происхождение мировой войны, т. I, Москва, 1934. Helmerich E. *The diplomacy of the Balkan wars 1912—1913*. Cambridge, 1938.

³ Roloff G. *Die Begründung des Balkanbundes nach serbischen, englischen und deutschen Akten und anderen Quellen*. Preussische Jahrbücher, Bd. 220, Heft 2, Mai 1930.

и сербским премьерами и министрами иностранных дел Гешовым и Миловановичем в вагоне железной дороги¹.

Английский посланник сообщил, что обе стороны пришли к молчаливому соглашению относительно совместного выступления в случае распада Европейской Турции². «В результате этого совещания, — писал он в другом письме, — было принято решение начать переговоры в смысле совместных действий как оборонительного характера против Австрии, так и наступательного против Турции, если будет необходимо.»³ Таким образом, даже это, весьма секретное, свидание, во время подготовки и осуществления которого было принято столько мер предосторожности, не осталось в тайне от английского дипломата в Софии. Последний был в курсе всех деталей и перипетий сербо-болгарских переговоров, чем был недоволен один из наиболее ярых сторонников сербо-болгарского союза русский посланник в Белграде Гартвиг. В своих донесениях в Петербург он жаловался на слишком широкую осведомленность Айронсайда, указывая, что последний в беседах с сербским посланником в Софии и сербским уполномоченным по ведению переговоров Спалайковичем разоблачал большие тайны. «Но, повидимому, — подчёркивал в письме Гартвиг, — английский представитель в Болгарии пользуется необычайным доверием местных правительственных сфер»⁴.

Но Айронсайд пользовался также необычайным доверием и со стороны Спалайковича и через него неоднократно пытался влиять на сербские руководящие круги, как бы возмещая бездеятельность в этом отношении своего белградского

¹ 11 октября 1911 года состоялась встреча между Миловановичем и Гешовым в вагоне железной дороги во время проезда болгарского премьера из Виши в Софию. Милованович проехал с Гешовым от Белграда до станции Лапovo. Во время двухчасовой беседы министры предварительно наметили основные пункты будущего сербо-болгарского соглашения. Встреча была заранее подготовлена, и были приняты меры для сохранения её в абсолютной тайне (см. *Международные отношения*, т. XVIII, часть II, № 625, стр. 162; № 657, стр. 188; Гешов. *Балканский союз, Воспоминания и документы*, Петроград, 1915, стр. 17).

² *British Documents on the Origins of the war 1894—1914*. Edited by G. P. Hooch and Harold Temperley. London, V. IX. p. I, № 525. Бакс Айронсайд — Никольсону 23. X. 1911 г. (Дальше — „British Documents“).

³ Там же, р. II, № 461, р. 362, Бакс Айронсайд—Никольсону 6. I. 1913 г.

⁴ *Международные отношения*, т. XX, ч. I, № 37, стр. 128 Гартвиг — Сазонову 4. VI. 1912.

коллеги Ральфа Педжетта, по выражению одного из австрийских дипломатов в Сербии, — «натуры весьма пассивной»¹.

В январе 1912 г. в Лондоне узнали от своего посланника в Софии о позиции болгарского царя Фердинанда в вопросе сербо-болгарского сближения, его колебаниях и о том, что колебания эти прекратятся, повидимому, в ближайшее время². В день подписания сербо-болгарского договора английский посланник телеграфировал об этом министерству³.

«Гешов и сербский посланник в Софии Спалайкович доверительно сообщили об этом состоявшемся договоре английскому посланнику в Болгарии Айронсайду», — сообщил русский министр иностранных дел Сазонов своему послу в Париже Извольскому⁴. Через две недели болгарский премьер официально обратился к английскому посланнику с просьбой довести до сведения руководителя британской внешней политики Грея о соглашении, подчёркивая необходимость сохранения строжайшей тайны. Гешов высказал также надежду, что Тройственное соглашение полностью поддержит Болгарию и только что заключенный договор⁵. Наконец, 6 января 1913 года английский посланник в обширном письме к Грею осветил весь ход сербо-болгарских переговоров с подробностями, которые не были известны даже некоторым видным государственным деятелям в балканских столицах, вплоть до министров⁶.

Приведенные факты достаточно свидетельствуют о том, что Англия с самого начала была в курсе переговоров и была посвящена в их подробности. О том, как отнеслись в Лондоне к соглашению между балканскими странами, мы узнаем со слов русского посла в английской столице Бенкендорфа, который, официально сообщая 6 апреля 1912 года английскому правительству, что «Сербия и Болгария заключили секретное соглашение с целью поддержания *status quo* на Балканах», пришел к выводу, что «в Лондоне симпатизируют сербо-болгар-

¹ Österreich-Ungarns Aussen Politik, B. IV, № 3400. S. 65—66.

² British Documents, V. IX, p. I, № 543; Бакс Айронсайд—Никольсону 18. I. 1912 г.

³ Там же, № 559; Бакс Айронсайд — Никольсону 14. III. 1912 г.

⁴ Международные отношения, т. XIX, ч. II, № 708, стр. 353. Сазонов — Извольскому 30. III. 1912 г.

⁵ British Documents, V. IX, p. I, № 568; Бакс Айронсайд — Грею 28. III. 1912 г.

⁶ Там же, p. II, № 461, p. 360—368.

скому договору, но не доверяют царю Фердинанду... и не верят в возможность сохранения тайны»¹.

Конечно, руководящим английским политикам трудно было мириться с усиливающимся влиянием России на Балканах, так как даже усиление позиций русского союзника, по их мнению, грозило британским интересам на Ближнем Востоке. И не удивительно, что заместитель статс-секретаря Артур Никольсон был весьма недоволен, высказывая в частных письмах к английскому послу в Вене Картрайту и поверенному в делах в Петербурге Бирне сожаление по поводу сербо-болгарского соглашения под покровительством России.

Кроме того, Англия для усиления своих позиций проводила на определённых этапах времени политику заигрывания с Портой, политику, которая колебалась подобно маятнику в зависимости от внутривнутриполитического положения в Османской империи. Политика эта диктовалась также и тем, что английское правительство, по выражению русского министра иностранных дел Сазонова, не желало навлекать на себя недовольство мусульманского мира «ввиду необходимости для обеспечения своего владычества в Индии опираться там на магометанскую часть населения... Помимо сего, — писал Сазонов, — Англией руководит желание ничем не ослаблять нынешнего Османского правительства, в котором видную роль играет её сторонник Киамиль-Паша, из опасения, как бы не вернулись младотурки с Ферид-Пашой, считавшимся приверженцем Германии»². Поэтому в Лондоне неодобрительно отнеслись к тем статьям сербо-болгарского договора, которые касались Турции. Но это был временно действующий фактор английского отношения к Турции, ибо именно англичане первые и наиболее действенно проводили политику подрыва какой-либо централизации в Порте, развала и захвата её обширных владений (английская политика в Египте, Аравии; Критском вопросе, роль неофициального английского «дипломата» Баучера в греко-болгарских переговорах³).

¹ Международные отношения, т. XIX, ч. II, № 762, стр. 411; Бенкендорф — Сазонову 7. IV. 1912 г.

² Красный архив, т. III, стр. 25. Доклады Сазонова Николаю II.

³ Афинский корреспондент влиятельнейшей английской газеты «Таймс» Баучер сыграл значительную роль в греко-болгарских переговорах о союзе. Фактически он явился связывающим звеном между Афинами и Софией. Подробности этих переговоров Баучер поведал миру в «Таймсе», в серии своих статей под названием «Балканская лига» в июне-июле 1913 г. (O. Bickel, op. cit., S. 122).

Британский империализм в начале XX века был весьма обеспокоен тем, что его основной противник в борьбе за мировое господство — германский империализм активно вступил в эту борьбу, и именно в том месте, где наиболее затрагивались интересы Британской империи — на Ближнем Востоке, на подступах к наиболее богатым британским колониям. Для решительной борьбы с Германией Англия готовилась в течение многих лет, но Англия всегда выступала на Ближнем Востоке главным противником и России. Английская дипломатия все делала, чтобы не допустить какого-либо усиления русского влияния на Балканах, где англичане постепенно приобретали новые позиции, причем фактически английская дипломатия всегда срывала планы русских дипломатов. Еще в 1895 году руководитель германского ведомства иностранных дел, впоследствии германский посол в Турции и Англии Маршалл фон-Биберштейн, писал своему послу в Вене Эйленбургу, что «... на протяжении всей линии от Скутари до Кореи... Англия всегда выступала в качестве противника русских интересов»¹.

Что же касается отношения Форейн оффис к образованию балканского союза под покровительством России, то в сложившейся обстановке англичане вынуждены были выбрать из двух для них зол — меньшее. Прекрасно сознавая и чувствуя приближение решительного столкновения со своим главным соперником, британский империализм должен был мириться и даже поддерживать новую политическую комбинацию на Балканах под гегемонией России, как один из козырей в предстоящей кровопролитной игре за мировое господство.²

Позиция Франции. Что касается французской дипломатии, то ей пришлось сыграть более активную роль и оказать, правда, косвенное, но довольно действенное влияние на образование балканского союза. Французское правительство, так же, как и английское, с самого начала было в курсе сербо-болгарских переговоров. Об этом неоспоримо свидетельствуют факты. В ответ на запрос французского министра иностранных

¹ Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der Diplomatischen Akten der Auswärtigen Amtes. Berlin. 1927. B. X. № 2569. S. 243. (Дальше — Die Grosse Politik).

² Высказывая недовольство сложившейся на Балканах ситуацией, Никольсон в письме к Бирне писал: «В настоящее время нам необходимо быть в наилучших отношениях с Россией и не подавать вида какой-либо критики её действий». British Documents, V, IX, p. I, № 570.

дел де-Сельва о попытках Италии создать под своей гегемонией балканский союз против Турции (в Париж проникли такие слухи) французский посланник в Софии Морис Палеолог в своей депеше обратил внимание на возникшее и усиливающееся движение в болгарской столице за сближение двух славянских государств на Балканах. По его мнению, образовавшийся сербо-болгарский экономический комитет, поддерживаемый общественным мнением, содействует экономическому сближению, а это, в свою очередь, приведет к сближению политическому.¹ В середине ноября 1911 г. де-Сельв уже очень хорошо знал, что между Болгарией и Сербией ведутся переговоры о политическом сближении и заключении соглашения. Во время переговоров между болгарскими дипломатами Ризовым и Станчевым, с одной стороны, и сербским премьер-министром Миловановичем — с другой в парижской опере² произошел любопытный эпизод, о котором болгарские уполномоченные письменно сообщили Гешову. Проходя мимо беседующих болгар и серба, де-Сельв сказал им с улыбкой на устах: «Прохожу мимо вас не для того, чтобы вас разъединить» (*désunir*). Станчев дополнил мысль де-Сельва следующим замечанием: «Но для того, чтобы нас соединить и благословить» (*Mais pour nous unir et bénir*), на что министр ответил: «Да, да! Чтобы вас благословить; вы занимаетесь делом» (*oui, oui, pour vous bénir; vous taillez de là besoin*)³. Милованович впоследствии объяснил болгарам смысл этого замечания, рассказав, что он беседовал с де-Сельвом о возможности соглашения и заявил ему, что 400 тысяч войск союзников могли бы гарантировать Балканы от всякого чужого нашествия.⁴

¹ Documents diplomatiques français, 1871—1914. Ministère des Affaires Etrangères, Paris. 1929—1931 3-me Serie, T. I, № 29, p. 33. Палеолог — Сельву 6. XI. 1911 г. (Дальше — Documents diplomatiques français).

² В середине ноября 1911 г., в связи с визитом сербского короля Петра в Париж, болгарское правительство уполномочило своих посланников во Франции Станчева и в Риме Ризова воспользоваться присутствием Миловановича во французской столице для непосредственных с ним переговоров. Переговоры велись равно как и в ... опере во время антрактов, так и болгарском посольстве. Основной их темой явилось урегулирование территориальных разногласий будущих союзников, касающихся Македонии (см. И. Гешов. Балканский союз. Воспоминания и документы, Петроград, 1915, стр. 22—28).

³ Гешов, цит. соч., стр. 23.

⁴ Там же.

Во время пребывания в Париже сербский министр беседовал также с французским премьером Кайо, с министром Делькассе, французским послом в Риме Баррером. Из этих бесед он убедился, что во Франции, по его словам, самое широкое сочувствие встречает идея «Балканы — для балканских народностей», и что первенствующая роль на Балканах должна принадлежать Сербии и Болгарии. Идея «Балканской федерации» во главе с Турцией, подвергающейся постепенному разложению, по мнению парижских официальных кругов, чистейшая утопия, тогда как сербо-болгарскому союзу Франция во всякое время готова оказать мощную поддержку.¹

Таким образом, руководитель французской внешней политики был поставлен в известность относительно сербо-болгарского соглашения с начала активной фазы переговоров, и уже тогда Париж оказал свое благоприятное влияние.

В начале 1912 г. кабинет Кайо ушел в отставку. К власти пришло правительство во главе с Раймондом Пуанкаре (он же и министр иностранных дел). Пуанкаре не замедлил известить русского посла в Париже Извольского о своем твердом намерении поддерживать с Россией самые тесные отношения и направлять внешнюю политику Франции в полном согласии с её союзницей. Однако дальнейшее поведение французского премьера не соответствовало его заверениям, особенно в балканском вопросе. Хотя до первой мировой войны Франция являлась сильнейшей державой на европейском континенте; французские политики не предпринимали ни одного шага, не прозондировав предварительно лондонской почвы и не взглянув, куда клонит стрелка английского дипломатического барометра. Особенно это проявилось во время бесед между Пуанкаре и Извольским в Париже, Сазоновым и французским послом Луи в Петербурге весной 1912 года, когда в полной мере проявилось лицемерие нового французского премьера.² С Россией, гарантировавшей Франции безопасность со стороны Германии, на Кэ д'Орсэ считались только в тех размерах, которые обеспечивали сохранение франко-русского союза, полностью пренебрегая интересами своего союзника.

¹ Международные отношения, т. XIX, ч. I, № 144, стр. 126.

² Международные отношения, т. XIX, ч. II, № 347, стр. 2, 3; № 358, стр. 13, № 596, стр. 239, № 699, стр. 342. Documents diplomatiques français. S. III. T. II. № 43. p. 37; № 71. p. 63.

В отношении же сербо-болгарских переговоров Пуанкаре впоследствии пытался утверждать, что он ничего о них не знал, так же, как и не знал содержания основных пунктов договора от 13 марта 1912 года. Это «неведение» Пуанкаре мастерски разыграл во время своего июльского визита в Россию. Когда Сазонов официально ознакомил французского премьера с полным текстом договора, «удивленный» Пуанкаре заявил Извольскому: «Это орудие войны» (*«C'est un instrument de Guerre»*).¹

Вызывает удивление и высказывание Палеолога, назначенного после прихода к власти Пуанкаре директором политического департамента министерства иностранных дел. В беседе с Извольским он, будучи весьма близок к болгарскому царю, высказал убеждение, что приблизительно с октября 1911 года Фердинанд окончательно повернулся в сторону Австро-Венгрии.² Данное утверждение звучит тем более странно, что как раз с октября Фердинанд внешне в своей «*jeu de bascule*» («игре в равновесие») склонился как бы в сторону Тройственного согласия, а сербо-болгарские переговоры не могли остаться в тайне от Палеолога. Даже Гартвиг в Белграде знал, что французский посланник в Софии был в достаточной степени знаком с ходом переговоров³ и уж, конечно, поставил в известность свое правительство об этом.

Кроме того, Гешов накануне переговоров, во время своего проезда из Виши в Софию, беседовал с де-Сельвом, которому сообщил о предстоящем соглашении, а во время декабрьского визита сербского короля Петра в Париж, как уже упоминалось, руководящие лица Франции заявили, что сербо-болгарскому союзу они во всякое время готовы оказать мощную поддержку. Поэтому, мало вероятно, чтобы Пуанкаре не знал о переговорах и важных дипломатических секретах своего предшественника; тем более, что в новом кабинете и в дипломатическом ведомстве продолжали оставаться некоторые прежние министры и послы, знавшие о сербо-болгарских переговорах (Делькассе, Баррер).

¹ Международные отношения, т. XX, ч. II, № 672; стр. 199; R. Poincaré. *Les Balkans en feu 1912 p. (Au service de la France, II)*. Paris, 1926, p. 114—116.

² Международные отношения, т. XIX, ч. II, № 414, стр. 73.

³ Там же, т. XX, ч. I, № 137, стр. 128.

Правительство Пуанкаре знало о секретных балканских переговорах и оказало значительное влияние на их завершение. Владея важными финансово-экономическими позициями в странах юго-восточной Европы, французская буржуазия была крайне заинтересована в сохранении этих позиций и в вовлечении балканских государств в орбиту угодной Франции политики. Для этого французские правящие круги решили использовать немаловажный козырь — французские займы. Выполняющие роль европейского кредитора, парижские банки представляли займы лишь тем государствам, внешнеполитический курс которых соответствовал интересам Антанты. Благодаря этому Париж зачастую диктовал странам-должникам свою политику. Так получилось и с Болгарией. Вопрос о займе сыграл здесь свою роль и ускорил заключение сербо-болгарского договора, который должен был сделать Болгарию страной антантовской ориентации.

В декабре 1911 года назрел вопрос о новом болгарском займе, ввиду больших ассигнований на военные и железнодорожные нужды. Болгары желали получить в парижских банках некоторые льготы. Однако французские заимодавцы недвусмысленно дали понять, что они оказывают предпочтение странам антантовского направления. На вопрос Гешова, будет ли оказана Болгарии поддержка стран Тройственного соглашения, Палеолог ответил, что Соглашение — за сохранение статус-кво, но добавил, что «правительство республики не согласится на заем в 200 миллионов франков, если ваша дипломатическая ориентация останется неопределённой. Пуанкаре решил предоставить финансовые средства Франции только тем государствам, которые практически идут тем же путем, что и она».¹ Это заявление было сделано как раз в то время, когда сербо-болгарские переговоры из-за спорного вопроса о территориальном разграничении в Македонии зашли, казалось, в тупик. Оно очень взволновало Гешова и он заявил Палеологу, что это «решающий аргумент, который победит колебания его величества».² Факт этот подтверждается и русским поверенным в делах в Софии Урусовым: «Заём предполагается заключить во Франции, — сообщал он Сазонову, — представители которой за последнее время

¹ Documents diplomatiques français, S. III, T. II, № 45, p. 38—39. Палеолог — Пуанкаре 16. II. 1912г.

² Там же.

неукоснительно указывали Гешову, что непременным условием нынешнего кабинета для совершения этой финансовой операции является категорическое утверждение болгарского правительства, что отныне Болгария входит в орбиту политики держав Тройственного согласия».¹ Вследствие этого, с одобрения Фердинанда, болгарский премьер попросил русского поверенного в делах передать Сазонову просьбу болгарского правительства об оказании поддержки в данном вопросе и об авторитетном удостоверении перед французским правительством относительно избранной болгарами ориентации.²

И Пуанкаре в беседе с Извольским заявил, что болгарское правительство ввиду своих обращений к французскому представителю в Софии по поводу займа неизменно получало ответ, что вопрос этот может быть разрешен лишь после того, как Болгария даст категорическое заверение, что она вошла в орбиту политики держав Тройственного согласия,³ и что французское правительство «согласилось облегчить заём Болгарии на парижском рынке вследствие заявления русского правительства, что Болгария, заключив тайное соглашение с Сербией, твердо решила тяготеть к державам Тройственного согласия».⁴ Да и сам Гешов, узнав, что Россия поставила Францию официально в известность о сербо-болгарском договоре, заявил новому французскому посланнику в Софии Панафье,⁵ что его беседа с Палеологом покончила с последними колебаниями болгарского правительства и предприняла подписание соглашения.⁶

О заключении договора Пуанкаре официально узнал 1 апреля от Извольского, которому Сазонов накануне предписал в благоприятный момент в устной форме сообщить французскому премьеру, что с ведома России «между Болгарией и Сербией... заключен договор о совместной обороне и охране взаимных интересов на случай нарушения *status quo*

¹ Международные отношения, т. XIX, ч. II, № 731, стр. 376, Урусов—Сазонову, 4. IV, 1912 г.

² Там же.

³ Там же, № 748, стр. 392, Извольский—Сазонову 10. IV. 1912 г.

⁴ Там же, т. XX, ч. I, № 137, стр. 127.

⁵ С назначением Мориса Палеолога директором политического департамента министерства иностранных дел пост французского посланника в Софии занял Панафье.

⁶ Documents diplomatiques français, S. III. T. II, № 297, p. 304.

на Балканском полуострове или нападения третьей державы на одну из договаривающихся сторон, и.. что так как особое секретное добавление обязывает обе стороны предварительно каких-либо активных выступлений осведомиться о мнении России, мы считаем, что взяли в свои руки средство влияния на обе державы и вместе с тем создали гарантию против распространения влияния более сильных держав на Балканский полуостров».¹ Получив настоящее сообщение от Извольского, Пуанкаре пожелал узнать новые подробности и запросил своих представителей в Софии — Панафье и в Белграде — Деко. Первый ответил, что ввиду болезни Гешова он обратился к Урусову, который сообщил ему о перспективах сербо-болгарского сближения с точки зрения России, а также некоторые дополнительные подробности переговоров и соглашения. Панафье в своем донесении подчёркивал, что сербо-болгарский союз чрезвычайно важен для Тройственного согласия, ибо в случае войны он сможет намного парализовать германо-австрийское вооружённое наступление на Ближнем Востоке².

Деко же, по получении запроса Пуанкаре, имел беседу с Миловановичем, который заявил ему, что сербо-болгарское сближение в настоящий момент достигло наиболее благожелательного характера, причем в результате переговоров достигнута согласованность, тем более важная, что интересы обеих стран находятся под угрозой одних и тех же факторов. Деко высказал уверенность в том, что обе балканские страны «соединятся в случае общей угрозы и в случае необходимости будут действовать вместе».³ Как Панафье, так и Деко указывали на то, что ведутся переговоры о привлечении к союзу Греции.

Пуанкаре сразу оценил первостепенную политическую важность сербо-болгарского соглашения, усматривая в нём весьма отрядный для держав Тройственного согласия факт.⁴

Экономические интересы Франции на Балканах были довольно значительны. Огромные капиталовложения в Европейской Турции, многочисленные займы различным балкан-

¹ Международные отношения, т. XIX, ч. II, № 708, стр. 353, Сазонов—Извольскому 30. III. 1912 г.

² Documents diplomatiques français, S. III, T. II, № 297, p. 305. Панафье — Пуанкаре 3. IV. 1912 г.

³ Там же, № 388, p. 294, Деко—Пуанкаре, 2. IV. 1912.

⁴ Международные отношения, т. XIX, ч. II, № 748, стр. 392.

ским государствам и военные поставки для них, французские концессии, — все это усиливало заинтересованность французских правящих кругов в балканских делах. Серьёзное оперативное значение и стратегические возможности Балканского полуострова занимали в планах французского генерального штаба немаловажное место. В условиях обострения империалистических противоречий и подготовки к мировой войне Франция была весьма заинтересована в обеспечении себе выгодных позиций на будущих оперативных просторах и вовлечении возможно большего количества стран в орбиту своей политики. В таком смысле балканский союз играл серьёзную роль. Поэтому Франция содействовала образованию балканского союза, мирясь с преобладающим влиянием на Балканах России.

Позиция Германии и Австро-Венгрии. Безудержная германская экспансия в сторону Ближнего Востока грозила полным порабощением балканских народов. В пресловутом «*Drang nach Osten*» Балканы являлись первоочередным объектом. Если дипломаты германо-австрийского блока прикрывали всё же свои завоевательные планы миролюбивыми фразами и заверениями, то военщина, более грубая и откровенная, не считала нужным этого делать и открыто высказывалась о своих намерениях.¹

Не только «экономическая экспансия», но и «политическая аннексия» на Балканах входила в германо-австрийские «мероприятия» в юго-восточной Европе. Германо-австрийская дипломатия все свои усилия направляла на ослабление балканских государств, тормозя их экономическое развитие и подрывая экономическое благосостояние, что должно было подчинить эти государства воле Берлина и Вены. Какие-либо попытки к сближению балканских стран встречали всегда яростное сопротивление со стороны Германии и Австрии, что в конечном счёте приводило к срыву любых переговоров о балканском союзе. В этом особенную услугу оказал немцам их коронованный агент, болгарский царь немец Фердинанд.

Знали ли о сербо-болгарских и греко-болгарских переговорах и соглашениях 1912 года Германия и Австро-Венгрия?

¹ См., например, беседу русского военного агента в Лондоне подполковника Голеевского с австрийским военным агентом капитаном Хорватом. Международные отношения, т. XX, ч. II, № 468, стр. 2—3.

Если переговоры между Сербией и Болгарией в 1909—1910 гг. вызвали оживлённую переписку австро-германских дипломатов и заставили их принять ряд мер к срыву соглашения между балканскими государствами в зародыше¹, то переговоры 1911—1912 гг. почти обходятся молчанием. Дело здесь, конечно, не в том, что австрийцы и немцы не считали нужным беспокоить себя и обращать внимание на эти переговоры. Они всегда очень чутко и болезненно реагировали на любые попытки сближения балканских государств. Но в результате принятых договаривающимися сторонами мер к сохранению переговоров в абсолютной тайне австрийские и германские дипломаты ничего о них узнать не смогли во время самих переговоров. Поэтому в их служебной и частной переписке до апреля 1912 года мы встречаемся только с отдельными догадками, которые австро-германские дипломаты старались опровергнуть, прибегая к ряду факторов и соображаясь с «логикой вещей».

12 ноября 1911 года (время начала активных переговоров между Болгарией и Сербией) секретарь австрийского посольства в Петербурге Силаши в своей телеграмме в Вену обратил внимание министерства на передовую русской газеты «Новое время», опровергающей слухи об инициативе России в создании балканского союза. Там же австрийский дипломат указывает, что Россия в настоящее время стремится к открытию проливов (в связи с Итало-турецкой войной турецкое правительство закрыло Босфор и Дарданеллы), а в отношении балканского союза никакие переговоры не ведутся.² Немного позже австрийский посланник в Белграде Угрон обратил внимание на подозрительно частые поездки сербского посланника в Болгарию Спалайковича из Софии в Белград и обратно и на то, что эти поездки сопровождались длительными беседами сербского дипломата с Гартвигом, лидером сербской правительственной партии старорадикалов Пашичем и королем Петром. Зная, что Спалайкович являлся большим сторонником сербо-болгарского политического сближения, Угрон начал подозрительно относиться к этим частым визитам; тем более,

¹ Die Grosse Politik. B. XXVII, T. I, №№ 9727—9755, S.S. 157—194.

² Österreich-Ungarns Aussen Politik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke der Österreichisch-Ungarischen Ministeriums des Aussen. Wien—Leipzig, 1930. B. IV, № 2915, S. 542. Силаши — в Вену 12. XI. 1911 г. (Дальше — Österreich-Ungarns Aussen Politik).

что некоторые его коллеги, как он сообщал, считали соглашение уже достигнутым. Австриец обратился к болгарскому посланнику в Белграде Тошеву, и этот с большой убедительностью опроверг появившиеся слухи, доказав, что «о соглашении не может быть и речи».¹ Настые визиты Спалайковича Тошев объяснил семейными обстоятельствами первого. Если бы между Сербией и Болгарией происходили переговоры, — заявил болгарский посланник, — то он был бы поставлен в известность. Однако Тошев «искренно» заверил австрийского дипломата, что ничего об этом не знает да и не верит в возможность сербо-болгарского договора. Для того, чтобы сделать свои доводы более убедительными, болгарский посланник раскрыл даже перед своим австрийским коллегой свои думы. «Сербия не против соглашения с Болгарией, однако её стремления не встречают в Софии сочувствия. Ни царь, ни правительство не склонны к союзу (! — Б. Р.). Болгария желает иметь свои руки свободными и сохранить для себя свободу действий».² Тошев выдвинул еще один веский довод — союз неосуществим хотя бы потому, что сербы не хотят и слушать об автономии Македонии, в то время как болгары сильно настаивают на этом программном пункте. На замечание Угро-на, что автономия Македонии приведёт к образованию эфемерного княжества, которое по «закону природы» будет поглощено Болгарией, как это случилось с Восточной Румелией, Тошев, смеясь, ответил, что против закона природы не пойдёшь.

Это оказалось достаточным, чтобы Угрон убедился, насколько противоположны болгарская и сербская точки зрения и насколько противоречивы их интересы. В заключение своего рапорта он заверял министерство, что болгары не хотят и слушать о распределении сфер влияния в Македонии, которое отстаивают сербы, и что, несмотря на все старания Спалайковича, единение не может быть достигнуто³. Это писал австрийский дипломат тогда, когда вопрос о сербо-болгарском политическом и военном союзе был решён, и остановка заключалась в выработке окончательных условий договора.

Такой позиции придерживались австро-германские дипломаты в балканских столицах и в дальнейшем, продолжая считать, что сербо-болгарский союз невозможен и вопрос о

¹ Там же, № 3194, S, 749.

² Там же.

³ Там же.

нём относится только к области утопий¹. Это кажется очень странным, тем более, что в европейской прессе появилось немало толков и анонимных сообщений о состоявшемся соглашении², а руководители австрийской и германской внешней политики имели уже о сербо-болгарском союзе определённые сведения. Подобное отношение вызвало даже удивление французского посланника в Сербии Деко, и он дважды обращал внимание своего министерства на пассивность австрийского и германского правительств, которые раньше очень чутко реагировали на малейшие попытки сближения балканских государств³.

Примерно в середине апреля статс-секретарь германского иностранного ведомства Кидерлен-Вехтер уже знал в основном содержание сербо-болгарского договора⁴. Во время посещения австрийским министром иностранных дел Берхтольдом Берлина Кидерлен поведал ему совершенно конфиденциально об этом, указал, что, согласно полученной им копии тайного документа, Сербия и Болгария под покровительством России заключили чисто оборонительного характера договор о взаимной помощи в случае нападения какой-либо державы на одну из договаривающихся сторон. Кидерлен даже знал, что секретным пунктом Сербия и Болгария обязались перед Россией не предпринимать никаких наступательных действий и сделал вывод, что Россия «в настоящий момент не сможет помочь этим странам. Самостоятельное же их выступление, однако, по мнению Кидерлена, не встретило бы сочувствия петербургского кабинета, ибо в случае удачи она не будет отнесена на счёт России; поражение же нанесет русскому влиянию сильный вред».⁵

От кого руководитель германской внешней политики узнал

¹ Там же, № 3607, S. 252—257.

² В 20-х числах мая парижская газета „Matin“ напечатала сообщение о состоявшемся сербо-болгарском соглашении (Международные отношения, т. XX, ч. I, № 137, стр. 128). Это сообщение перепечатали „Aktion“ и „Siècle“. В начале июня парижская „Temps“ пыталась даже проанализировать суть и значение сербо-болгарского соглашения, в существовании которого газета не сомневалась (см. Санкт-Петербургские ведомости, № 122, 14. VI, 1912 года).

³ Documents diplomatiques français, S. III, T. II, № 225, p. 229—230, № 288, p. 294. Деко — Пуанкаре 19. III., 2. IV, 1912.

⁴ Die Grosse Politik, B. XXXIII, S. 25, Österreich-Ungarns Aussen Politik. B. IV, № 3540, S. 182—186. Запись беседы Берхтольда с Кидерленом между 24—26 мая 1912 г.

⁵ Там же.

подробности сербо-болгарского договора точно не известно. Об этом мы можем строить только догадки, ибо конкретных указаний мы нигде не встречаем. Весьма возможно, что ему рассказал об этом сербский поверенный в делах в Берлине Богичевич, который не одобрял официальной политики сербского правительства руссофильского направления, ибо сам являлся убеждённым германофилом.¹ Не исключена возможность, что немцы могли узнать о соглашении от Фердинанда или даже из Петербурга от шпионских элементов царского окружения.

Но австрийцы и немцы на первых порах не разгадали основной сущности соглашения между балканскими странами и продолжали относиться к нему хладнокровно.² Возможно, они очень были уверены в царе Фердинанде и других своих агентах на Балканах, надеясь, что и это соглашение, по их воле, останется только на бумаге.

Всё же Берхтольд решил нащупать почву. В первую очередь он воспользовался очередным визитом Фердинанда и его супруги Элеоноры в Вену и в беседе с ними старался точнее определить перспективы и намерения союзных балканских государств. Болгарская чета рассыпалась в любезностях перед австрийским министром, восхваляя австрийский двор, монархию, страну, «с которыми у них связаны лучшие воспоминания жизни». Уже эти заверения успокоили министра. Что касается балканских соглашений, то Фердинанд и Элеонора подтвердили уже известные Берхтольду от Кидерлена сведения о договоре, который, по словам царя, касался только Македонии и Турции. «Но так как положение в Македонии в этнографическом отношении достаточно стабильно, — заявил Фердинанд, — то никакое разграничение на деле не предвидится». Фердинанд даже сообщил Берхтольду условия греко-болгарского договора, особенно подчёркивая, что русские ещё

¹ M. Boghitschewiatsch. *Kriegsursachen*. Berlin, 1928, S. 35—37.

² Правда, Кидерлен решил предупредить о состоявшемся сербо-болгарском соглашении и Румынию. Примыкая тогда к политике стран Тройственного союза, Румыния играла значительную роль в планах Германии на Балканах. Поэтому немецкий министр счёл необходимым сообщить о новой политической комбинации на полуострове своему вассалу (*Österreichs-Ungarns Aussen Politik*. B. IV, № 3530, S. 169, австрийский посланник в Бухаресте Фюрстенберг — Берхтольду 21. V, 1912 г.); *„Die Grosse Politik“*, B. 33, S. 25.

не поставлены в известность о них¹. Таким образом, болгарский царь и здесь оказался верным холопом своих хозяев и фактически разболтал тайну, на сохранение которой сербские, болгарские и русские дипломаты потратили много усилий. Ясно, что если бы не Фердинанд и ему подобные, то в Берлине и Вене могли бы только догадываться о содержании сербо-болгарского соглашения, но ничего достоверно узнать не смогли бы. В самом деле, австрийские представители в Софии и Белграде вплоть до начала первой Балканской войны оставались в неведении. Характерно, что 6 июля 1912 года австрийский посланник в Софии Тарновский сообщил в Вену, что из-за греко-болгарских и сербо-болгарских разногласий в Македонии не может быть и речи о политическом сближении между королевствами, которое могло бы привести к союзу. Гешов уверил Тарновского, что все известия о сербо-болгарском и греко-болгарском договорах являются «детским вымыслом и недостойны какого-либо внимания».² Вторит Тарновскому секретарь австрийского посольства в Белграде Эммери фон Пфлюгель, которого сербский министр иностранных дел Иованович (заявивший временно этот пост после внезапной смерти Миловановича) также разуверил в существовании сербо-болгарского соглашения.³ И, наконец, 16 августа 1912 года, в связи с вновь появившимися сообщениями в прессе о балканском союзе, Тарновский, как и в предыдущих письмах, опровергает и совершенно исключает возможность сербо-болгарского союза. «Я не вижу никакого основания, которое оправдывало бы предположения, что трудности..., стоящие на пути сербо-болгарского соглашения, сейчас устранены» — писал он в Вену.⁴ Австрийский посланник не отрицал, что за последнее время произошло сближение между балканскими странами, в чём большая заслуга Спалайковича, находившегося под русским влиянием. Но от этого «культурного и платонического», — по выражению австрийца, — сближения еще далеко до политической интимности.⁵

И только в октябре 1912 года, когда на Балканском полуострове уже гремели орудия войны, австрийские посланники

¹ Österreich-Ungarns Aussen Politik, B. IV, № 3549, SS. 194—195. Запись беседы Берхтольда с Фердинандом 1—3. VI. 1912 г. ,

² Там же, № 3607, S. 252, Тарновский—Берхтольду 6. VII, 1912 г.

³ Там же, № 3689, S. 341, Пфлюгель — министерству 14. VIII. 1912 г.

⁴ Там же, № 3703, S. 351—352, Тарновский—Берхтольду 16. VIII. 1912 г.

⁵ Там же.

в Софии, Белграде и Афинах протёрли глаза от удивления, что утопия перестала быть утопией и балканский союз стал фактом¹. А австрийский поверенный в делах в Софии Миттаг чистосердечно признался Гешову, что «мы, дипломаты, были блестяще поставлены в неведение»².

Таким образом, в вопросе об отношении австро-германского блока к балканскому союзу в период его образования можно сделать следующие выводы: во время сербо-болгарских переговоров германские и австрийские дипломаты ничего достоверного о них не знали. Несколько недель после заключения сербо-болгарского соглашения руководитель германской внешней политики, а от него и австрийский министр узнали содержание сербо-болгарского, а затем и греко-болгарского соглашения. Дипломатические представители Австрии в балканских столицах продолжали оставаться в неведении до начала первой Балканской войны.

Образование балканского союза, как только оно стало известно немцам и австрийцам, не вызвало с их стороны резкой реакции, чего можно было бы ожидать. Причины этого заключаются в том, что они сразу не усмотрели опасности германо-австрийским интересам на Балканах, которую заключал в себе союз, созданный под покровительством России. Кроме того, они были уверены в Фердинанде и его клике, которые, по мнению немцев, не допустят резкого изменения внешнеполитического курса Болгарии и в любой момент смогут превратить союз в ничего незначущую бумажку.

Но как только события показали обратное, и балканский союз действительно выступил единодушно, дипломаты германо-австрийского блока всполошились и направили свои усилия на разрушение опасной для них политической комбинации на Балканах.

¹ Там же, № 3873, s. 494, № 3969, s. 554—554.

² Там же, № 4064, s. 624. Даже 23. X. 1912 г. австрийский посланник в Софии Тарновский не знал подробностей сербо-болгарского соглашения, о чём вынужден был сообщить Берхтольду. — Там же, № 4161, s. 688.